

**«НАПОЛЕОН ВЫ, ЧТО ЛИ, КАКОЙ?»:
«НАПОЛЕОНОВА ПАМЯТЬ»
В РАССКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ГОСПОДИН ПРОХАРЧИН»**

**Николай Подосокорский
(Великий Новгород)**

В рассказе «Господин Прохарчин» (1846) Достоевский впервые в своем творчестве изобразил героя-наполеониста (в лице мелкого петербургского чиновника-скопидома), причем в соответствии с общим духом времени его идея связана не с желанием обретения власти как таковой, а с банальным денежным обогащением¹. В достоевистике многократно отмечалось, что в ранних произведениях писателя в свернутом виде присутствуют все его большие идеи, которые раскрываются более объемно, ярко и полно в романах «Великого Пятикнижия». Не является здесь исключением и наполеоновская идея, пронизывающая как сочинения молодого Достоевского 1840-х годов, так и его последующие произведения, опубликованные после каторги и ссылки. В «Господине Прохарчине» мы, на первый взгляд, сталкиваемся с темой Наполеона в нарочито пародийном и предельно сниженном виде, но таков вообще метод Достоевского-художника, позволяющий ему через внешне смеховую, пародийную форму и ироничный стиль повествования раскрывать в речи, казалось бы, «незначительных» персонажей самые серьезные вопросы во всей их глубине².

В. Н. Топоров справедливо оценивал «Господина Прохарчина» как экспериментальное сочинение, которое может существенно обогатить

---

¹ Здесь и далее текст рассказа цитируется по изданию: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. В скобках указаны том и страница. О том, как в творчестве Достоевского связаны наполеоновская и ротшильдская идеи, см.: *Подосокорский Н. Н.* Легенда о Ротшильде как «Наполеоне финансового мира» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 1 (9). С. 31–50.

² Специфичность юмора Достоевского хорошо видна на примере шуточной истории Лебедева в романе «Идиот», согласно которой он якобы в 1812 году схоронил на Ваганьковском кладбище свою ногу, отстреленную одним французским «шассером», и поставил на ее могиле памятник с эпитафией в виде стихов Н. М. Карамзина «Покойся, милый прах, до радостного утра». Эта эпитафия в точности повторяет (!) реальную эпитафию на могиле матери Ф. М. Достоевского, которую он очень любил. *Подосокорский Н. Н.* Наполеоновская тема в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Место защиты: Новгородский гос. университет им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 53.

вдумчивого читателя, доверяющего автору. Ученый писал об этом рассказе очень проникновенно: «Читатель, доверившийся тексту и вознагражденный за это доверие открытием новых элементов текста или новых связей этих элементов, начинает улавливать некую новую, нестандартную логику, вовлекается в диктуемую ею систему поиска и дешифровки, активизируя и усиливая свои исследовательские потенции и тем самым приближаясь к более полному и адекватному пониманию всего текста, который в данном случае выступает в функции устройства, обучающего читателя»³. Здесь, конечно, описано общее свойство художественных текстов Достоевского, но в «Господине Прохарчине» оно присутствует особенно выпукло, поскольку этот текст, как и текст «Двойника», наиболее энигматичный в творчестве писателя. И. Ф. Анненский даже назвал «Господина Прохарчина» «одной из самых четких иллюстраций к основной идее творчества Достоевского»⁴, и отмечал в качестве главного мотива произведения — «непосильную для наивной души борьбу с страхом жизни»⁵.

Сама фигура главного героя — Семена Ивановича Прохарчина — окутана пеленой таинственности и загадочности. Сообщается, что он «отличался тихостью и даже как будто таинственностью; ибо всё время последнего житья своего на Песках лежал на кровати за ширмами, молчал и сношений не держал никаких» (1; 246). Вместе с тем, рассказчик вскоре дает понять, что его герой — вовсе не тот смиренный лежебока, коим кажется. Прохарчин поначалу аттестован как «человек благонамеренный и непьющий» (1; 240), однако, доведенный слухами о фантастических нововведениях, касающихся работы чиновников, до исступления, он оказывается на пожаре (не намек ли это на пожар Москвы, сгубивший Наполеона?) и окончательно повреждается в рассудке, подпав при этом под власть некоего «попрошайки-пьянчужки» Зимовейкина, «человека совсем скверного, буйного и льстивого» (1; 247). Последний громогласно определяет Семена Ивановича как «вольнодумца», «буяна» и грозит на него «донести» (1; 256). И. А. Аврамец пишет по этому поводу: «Вообще, описание “эволюции” героя от “благомыслящего и смиренного” человека к “впавшему в кураж вольнодумцу” полно намеков и недомолвок, как бы провоцирующих рассматривать героя в качестве “шкатулки с двойным дном”; иначе говоря, “таинственность” главного героя не раскрывается в результате внешне разрешенной сюжетной линии»⁶.

³ *Топоров В. Н.* «Господин Прохарчин». К анализу петербургской повести Достоевского // *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 114.

⁴ *Анненский И.* Книги отражений / Изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М.: Наука, 1979. С. 27.

⁵ Там же.

⁶ *Аврамец И. А.* Оксюморонный принцип сюжетного построения новеллы Достоевского «Господин Прохарчин» // *Литературный процесс: Внутренние законы*

Одним из ключей для этой таинственной «шкатулки с двойным дном» является изучение и раскрытие наполеоновского подтекста рассказа, ибо та же Авраамец справедливо отмечает, что «неожиданный финал заставляет читателя “пересмотреть” сложившийся у него образ главного героя, ретроспективно оценивая его поступки и мотивы»⁷. Симптоматично, что с обвинениями Зимовойкина в адрес Прохарчина оказываются солидарны и другие жильцы квартиры Устиныи Федоровны. Один из них Марк Иванович, патетически восклицает, обращаясь к заболевшему Семену Ивановичу: «Что ж вы? баран вы! ни кола, ни двора. Что вы, один, что ли на свете? для вас свет, что ли, сделан? Наполеон вы, что ли, какой? что вы? кто вы? Наполеон вы, а? Наполеон или нет?! Говорите же, сударь, Наполеон или нет?..» (1; 257). Это, казалось бы, ничем не мотивированное троекратное повторение имени Наполеона, более похожее на магическое призывание духа знаменитого правителя и полководца (отмечу, что до этого момента о Наполеоне не вспоминали ни сам Прохарчин, ни другие персонажи, ни повествователь), формирует... особый нерв рассказа, придавая тайне героя дополнительный историко-культурный объем. Не дождавшись ответа от Семена Ивановича, Марк Иванович в исступлении сам же и отвечает на свои риторические вопросы: «Кто вы? что вы? Нуль, сударь, блин круглый, вот что!» (8; 255).

В такой своеобразной манере Марк Иванович, человек «умный и начитанный» (1; 241), несомненно, обыгрывает пушкинские строки из романа «Евгений Онегин»:

Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно⁸,

— давая понять чиновнику-скопидому, что тот вовсе не Наполеон и не «единица» (не «один на свете»), а что Семен Иванович — лишь «нуль», «круглый блин». Позднее эта дилемма будет стоять и перед героем «Преступления и наказания» Родионом Раскольниковым, пытающимся для себя понять — к какой категории людей он относится: необыкновенных, которым «все разрешается», или обыкновенных, с которыми можно особенно не считаться.

и внешние воздействия. Труды по русской и славянской филологии (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, II; Ученые записки Тартуского университета. Вып. 897). Тарту: Тартуский ун-т, 1990. С. 58.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1978. С. 36.

Вместе с тем, характерная особенность рассказа «Господин Прохарчин» в том и состоит, что все утверждения, декларируемые в нем как подлинные и несомненные, вскоре опровергаются, как не соответствующие действительности. Это касается и уверений относительно особого смирения и благомыслия господина Прохарчина, и отрицания Марком Ивановичем того обстоятельства, что Семен Иванович — тоже в своем роде Наполеон, полагающий, что для него «свет создан». В этом смысле любопытно посмотреть на имена жильцов, принимающих деятельное участие в судьбе «богатого нищего»: Судьбин, Океанов, Оплеваниев и проч. Все они напоминают об устойчивых элементах наполеоновской легенды, окончательно сформировавшейся в период ссылки Наполеона на остров Святой Елены. О великом избраннике Судьбы, заточенном на клочке земли посреди океана (остров Святой Елены и по сей день остаётся одним из самых удалённых от основной цивилизации уголков мира) и оплеванном антибонапартистской пропагандой писали с восторгом и возмущением многие поэты, прозаики, драматурги и мемуаристы первой половины XIX века. А. С. Пушкин в оде на смерть Наполеона в 1821 году также отдал дань прославлению великого человека:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!⁹

Примечательно, что Прохарчин в рассказе предстает «как будто застывший или окаменевший, походит более на тень разумного существа, чем на то же разумное существо» (1; 245). В квартире Устиньи Федоровны он обитает «не то десять лет, не то уж пятнадцать, не то уж и все те же двадцать пять» (1; 246). В свете наполеоновской темы эти числа можно интерпретировать следующим образом: десять лет — время существования Первой империи Наполеона, пятнадцать лет — общее время пребывания Наполеона у власти, двадцать пять лет — период с начала Французской революции 1789 года и до падения Наполеона. В общении с другими жильцами герой неожиданно представляет себя равноправным «благодетелем», к которому, в его воображении, будут обращаться за вспоможением покалеченные на войне солдаты. Одному из жильцов Прохарчин говорит в назидание «что-то вроде того, что когда Зиновий Прокофьич вступит в гусары, так отрубят ему, дерзкому человеку, ногу в войне и наденут ему вместо ноги деревяшку, и придет Зиновий Прокофьич и скажет: “Дай, добрый человек, Семен Иванович, хлеба!” — так не даст Семен Иванович хлеба и не посмотрит на буйного человека Зиновия Прокофьевича, и что

⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977. С. 60.

вот, дескать, как, мол; поди-ка ты с ним» (1; 244). Порой же герой вынужден действовать как «воитель», которому противостоит целая «коалиция» коварных жильцов: «Долго не думая, все хозяйкины жильцы соединились для дальнейших исследований и, собственно из одного любопытства, решили наступить на Семена Ивановича гурьбою и окончатально» (1; 244). Такой пародийный прием описания бытовых конфликтов персонажей языком наполеоновских войн Достоевский позднее мастерски использовал в комической повести «Дядюшкин сон» (1859)¹⁰.

Отечественными Достоевистами ранее также анализировалась наполеоновская тема в «Господине Прохарчине», но, как представляется, крайне недостаточно. В. Н. Топоров обратил внимание на взаимодействие в рассказе «пугачевского» и «наполеоновского» слоёв: «На языке Марка Ивановича Наполеон — символ вольнодумства и бунта, ниспровержения устоявшегося, законного порядка, самозванства и, следовательно, во многом должен быть сближен с более русским вариантом разбойника пугачевского типа, так или иначе соотнесенного с Зимовойкиным (Пугачев был казаком Зимовейской станицы. — *Н. П.*)»¹¹. К наблюдениям Топорова стоит добавить, что Наполеон I был хорошо знаком с историей пугачевского восстания — о нем «ему могли рассказать по личным воспоминаниям, даже и не очень старые люди»¹². По занятии Великой армией Москвы в сентябре 1812 года французский император даже «приказал искать в московских архивах документы о Е. И. Пугачеве, чтобы использовать их для возбуждения русских крестьян против русского же дворянства»¹³. И хотя от этих планов Наполеон все же отказался, в письмах самых разных российских современников войны 1812 года содержатся сравнения Бонапарта с Пугачевым¹⁴. Историко-культурное сравнение «Наполеон-Пугачев» к моменту написания рассказа Достоевского уже давно было описано и осмыслено многими литераторами¹⁵.

¹⁰ Подосокорский Н. Н. Наполеоновские войны в «Дядюшкином сне» Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 350—362.

¹¹ Топоров В. Н. «Господин Прохарчин». К анализу петербургской повести Достоевского. С. 167.

¹² Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Мысль, 1988. С. 220.

¹³ Там же.

¹⁴ Искюль С. Н. Война и миръ в России 1812 года. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2017. С. 690—691.

¹⁵ Фигуры Емельяна Пугачева и Наполеона Бонапарта, как показал В. А. Кошелев, были сближены в цикле «Писем из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола (1813—1815) и в творчестве А. С. Пушкина *Кошелев В. А.* Изводы национально-исторического «мифа» в творческом сознании Пушкина (Пугачев и Наполеон) // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996—1998. М.: Минувшее, 2003. С. 213—230. Сравнение Пугачева и Наполеона можно найти и в романе М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831): «И Пугач также прельщал

И. А. Аврамец, опираясь на теоретические положения Топорова, сделала следующий вывод: «Таким образом, новелла Достоевского пронизана аллюзиями и реминисценциями из самых разных источников (начиная Библией и кончая заметкой под названием “Необыкновенная скупость”, помещенной в 129 номере “Северной пчелы” за 1844 г.), благодаря чему образ героя превращается в гротескную многоликую и одновременно безликую фигуру, пародийно спроецированную на столь различных литературных и исторических героев. Перефразируя слова Пушкина, противопоставившего скупого у Мольера и Шекспира, можно сказать, что у Достоевского скупой не только скупой, но и “маленький человек” (или Акакий Акакиевич), не только Наполеон, но и “тварь дрожащая”, не только Антихрист (Нерон), но и герой жития»¹⁶. Значение образа Наполеона здесь неоправданно сужено относительно его реальной роли в рассказе. Тем более что из всех перечисленных Аврамец в этом фрагменте имен, только одно имя Наполеона присутствует в тексте рассказа непосредственно, да еще множество раз, то есть ни о какой полной «безликости» героя говорить не приходится. При этом повествователь особо подчеркивает, что после обвинений главного героя в «неудачном» наполеонизме со стороны Марка Ивановича, господин Прохарчин «не то чтоб устыдился, что он Наполеон, или струсил взять на себя такую ответственность» (1; 257). И далее опять без имени Наполеона не обходится: «Марк Иванович, видя бесполезность трогать Наполеонову память, тоже немедленно впал в добродушие и начал тоже оказывать помощь» (1; 257)¹⁷.

Любопытны наблюдения И. А. Аврамец о том, что Зимовейкин повторяет историю Павла Чичикова из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, «который “испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его...”

народ, да умней был этого Бонапарта: назвался государем Петром Федоровичем — так не диво, что перемутил всех православных; а этот что за выскочка?» *Загоскин М. Н.* Рославлев, или Русские в 1812 году. М.: Правда, 1983. С. 77. Н. А. Полевой (1796–1846) вспоминал, как в юности «смастерил целую драму», в которой изобразил Наполеона «почти разбойничьим атаманом»: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. ст. В. Орлова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 357.

¹⁶ *Аврамец И. А.* Оксюморонный принцип сюжетного построения новеллы Достоевского «Господин Прохарчин». С. 63.

¹⁷ Аврамец объясняет упоминание имени Наполеона в «Господине Прохарчине» внутренним законом жанра новеллы; точно так же, как в ренессансной новелле упоминание имен реально живших несколькими десятилетиями назад королей порой истолковывается некоторыми комментаторами как не имеющий особого значения факт, а лишь «как штрих, оживляющий или создающий впечатление наивной достоверности, при обозначении той или иной социальной функции персонажа» (*Шайтанов И. О.* История зарубежной литературы. Эпоха Возрождения: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 1. М.: ВЛАДОС, ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2001. С. 67.

«Мертвые души») (ср.: «рассказал, что страдает за правду, что прежде служил по уездам, что наехал на них ревизор, что пошатнули как-то за правду его и компанию, <...> что поместили его, по ходатайству, в одну канцелярию, но что, по жесточайшему гонению судьбы, упразднили его и отсюда <...> вместе же со всем этим за любовь к правде и по козням врагов» (1; 257)»¹⁸. А ходивший до Прохарчина в «фаворитах» у Устиньи Федоровны некий «увлеченный и исключенный» отставной, подобно гоголевскому капитану Копейкину, «имел одну ногу, там как-то тоже из храбрости сломанную» (1; 240)¹⁹. Напомню, что капитан Копейкин потерял руку и ногу в одной из битв с наполеоновской армией — «под Красным ли или под Лейпцигом»²⁰. Чичиков же в поэме представляется чиновникам города не то как замаскированный капитан Копейкин, не то как переодетый Наполеон, ибо «лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона»²¹.

В работах Н. В. Черновой был преимущественно изучен балаганный, «петрушечный» контекст «Господина Прохарчина»²², рассмотрены некоторые литературные источники, вдохновившие Достоевского при написании этого рассказа и, в частности, очерк Д. В. Григоровича

¹⁸ Аврамец И. А. Оксюморонный принцип сюжетного построения новеллы Достоевского «Господин Прохарчин». С. 60.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 7, кн. 1: Мертвые души. М.: Наука, 2012. С. 188.

²¹ Там же. С. 194.

²² Чернова Н. В. 1) «...а ну как этак, того?» («Господин Прохарчин» Ф. М. Достоевского и народный кукольный театр Петрушки) // Достоевский и современность. Материалы X-х Международных Старорусских чтений 1995 г. Старая Русса: [Новгородский музей-заповедник], 1996. С. 136—147; 2) «Господин Прохарчин»: (Символика огня) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 13. СПб.: Наука, 1996. С. 36—49; 3) Сон господина Прохарчина: Фантастичность реальности // Достоевский и мировая культура. Альманах № 6. СПб.: Акрополь, 1996. С. 34—61; 4) «Мусью под шинелью»: (О петрушечном слое» в «Господине Прохарчине» Ф. М. Достоевского) // Невельский сборник: Вып. 1. К столетию М. М. Бахтина. СПб.: Акрополь, 1996. С. 36—49; 5) Господин Зимовейкин в диалогах с господином Прохарчиным // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 14. СПб.: Наука, 1997. С. 96—107; 6) «Господин попрошайка-пьянчужка»: лицо и маски Зимовейкина // Достоевский и мировая культура. Альманах № 9. СПб.: Классика плюс, 1997. С. 154—164; 7) Господин Прохарчин — «старший» и «младший»: диалог // Достоевский и современность. Материалы XII-х Международных Старорусских чтений 1997 г. Старая Русса: [Новгородский музей-заповедник], 1998. С. 142—152; 8) «Господин Прохарчин» Ф. М. Достоевского и народная праздничная площадь XIX века // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания: Вып. 14. Воронеж, 2000. С. 26—40; 9) «Господин Прохарчин» (Символика огня в «петрушечном контексте») // Статьи о Достоевском: 1971—2001 / Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге; сост. и отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб.: Серебряный век, 2001. С. 38—55.

«Петербургские шарманщики» из сборника «Физиология Петербурга» (1845), где одна из кукол «в синем фраке и треугольной шляпе» у итальянца-шарманщика изображала Наполеона, вертящегося «вокруг безногих дам, с ног до головы облепленных фольгой»²³.

В ряде работ достоевистов 1990-х годов утвердилось мнение, что упоминание имени Наполеона в «Господине Прохарчине» вполне случайно, и носит проходной, моралистический характер, как общее напоминание об эгоизме героя, является непонятной пародией ради самой пародии. Так, И. Л. Волгин писал, что «комическая пара Прохарчин—Наполеон вполне случайна»²⁴ и что «в своей прозе Достоевский впервые упоминает императора французов в контексте, не имеющем прямого отношения к деятельности названного лица», а «Наполеон [в нем] является не в своем конкретном историческом облике, а в, казалось бы, совершенно проходной вербальной роли»²⁵. М. М. Наринский соглашается с мнением Волгина: «Конечно, жалкий скопидом никогда и не думал о каком-либо сходстве с великим императором, хотя в тюфяке своем среди прочих сбережений и хранил наполеондор, золотую монету с изображением Наполеона. Этой деталью, как подметил М. С. Гус²⁶, “Достоевский иронически подчеркивает всю, казалось бы, несуразность сделанного Марком Ивановичем уподобления Наполеону или сопоставления с Наполеоном Прохарчина”»²⁷. Л. В. Храмова и В. А. Михнюкевич пишут: «В повести “Господин Прохарчин” ... легендарное имя — только знак личности, выбивающейся из общего ряда. В этом повествовании о жалком и ничтожном человеке понятие “наполеоновская идея” было использовано Достоевским как аргумент от противного, доказательство несостоятельности безграничного эгоизма»²⁸.

Здесь необходимо еще раз отметить, что в поэтике Достоевского вообще нет «случайных» имен, тем более таких мифологизированных и резко меняющих всю внутреннюю атмосферу произведения, как имя Наполеона. И если в художественном тексте писателя внезапно и «непонятно для чего» появляется такое имя, то это всегда требует лишь дополнительного к нему внимания и скрупулезного изучения всех возможных подтекстов и контекстов.

²³ Григорович Д. В. Петербургские шарманщики // Григорович Д. В. Сочинения: в 3 т. Т. 1: Повести и рассказы (1844–1852) / Сост., подгот. текста и коммент. В. Некрасова. М.: Художественная литература, 1988. С. 56.

²⁴ Волгин И. Л., Наринский М. М. «Развенчанная тень». Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // Метаморфозы Европы. М.: Наука, 1993. С. 135.

²⁵ Там же. С. 133.

²⁶ Гус М. С. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1971. С. 78.

²⁷ Волгин И. Л., Наринский М. М. «Развенчанная тень». Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе. С. 135.

²⁸ Храмова Л. В., Михнюкевич В. А. Наполеон // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / Сост. Г. К. Щенников. Челябинск: ЧелГУ, 1997. С. 101.

Хотя Волгин и Наринский все же говорят о неких точках соприкосновения характеров Наполеона и героя Достоевского, указывая на мотив *непомерной гордыни* обоих и вытекающей из нее владычествующей мысли о том, что *для них собственно свет и создан* (упрек Марка Ивановича), — все-таки из их работ остается совершенно неясно, зачем Достоевский вообще несколько раз упомянул имя Наполеона, невольно вызывающее в памяти у читателя отдельные факты и целые сюжеты из удивительной жизни последнего? Ответ, надо полагать, кроется в финальной сцене вскрытия тюфяка героя. Приведем здесь описание клада Прохарчина в рассказе: «Между тем волосья и хлопья летели кругом, серебряная куча росла — и боже! чего, чего не было тут... Благородные целковики, солидные, крепкие полторарублевики, хорошенькая монета полтинник, плебеи четвертачки, двугривеннички, даже малообещающая, старушечья мелюзга, гривенники и пятаки серебром, — всё в особых бумажках, в самом методическом и солидном порядке. Были и редкости: два какие-то жетона, один наполеондор, одна неизвестно какая, но только очень редкая монетка... Некоторые из рублевиков отосылись тоже к глубокой древности; истертые и изрубленные елизаветинские, немецкие крестовики, петровские монеты, екатерининские; были, например, теперь весьма редкие монетки, старые пятиалтыннички, проколотые для ношения в ушах, все совершенно истертые, но с законным количеством точек; даже медь была, но вся уже зеленая, ржавая... Нашли одну красную бумажку — но более не было. Наконец, когда кончилась вся анатомия и, неоднократно встряхнув тюфячий чехол, нашли, что ничего не гремит, сложили все деньги на стол и принялись считать. С первого взгляда можно было даже совсем обмануться и смекнуть прямо на миллион — такая была огромная куча! Но миллиона не было, хотя и вышла, впрочем, сумма чрезвычайно значительная, — ровно две тысячи четыреста девяносто семь рублей с полтиною, так что если б осуществилась вчера подписка у Зиновия Прокофьевича, то, может быть, было бы всего ровно две тысячи пятьсот рублей ассигнациями» (1; 261).

Ю. И. Мармеладов полагал, что именно из «Пиковой дамы» Пушкина Достоевский заимствовал эпитет «Наполеон», которым Марк Иванович награждает главного героя рассказа²⁹, — видимо, имея в виду внешнее сходство Германна с Наполеоном и его стремление разбогатеть. Л. П. Гроссман же сопоставил монеты из тюфяка Прохарчина с содержимым кошелька Евгении Гранде, героини одноименного романа О. де Бальзака, переведенного Ф. М. Достоевским на русский язык за несколько лет до создания «Господина Прохарчина». По наблюдению исследователя, Достоевский «транспонировал описание Бальзака в сферу русской монетной системы, сохранив все основные черты бальзаковской картины. “Редкая монета” говорится в обоих

²⁹ *Мармеладов Ю. И.* Тайный код Достоевского. Илья-пророк в русской литературе. СПб.: Петровская Академия наук и искусств, 1992. С. 63.

описаниях, и в обоих случаях описываются деньги, уже вышедшие из обращения — и тут и там денежные знаки XVIII ст. — времен Иоанна V и Филиппа V у Бальзака, эпохи Петра, Елизаветы и Екатерины у Достоевского. Наконец, особенно останавливающий внимание в описании Достоевского наполеондор в груди гривенников и четвертаков несомненно попал в тюфяк Прохарчина непосредственно из кошелька “Евгении Гранде”»³⁰.

Два этих описания, действительно, схожи: в них описываются деньги, в основном уже вышедшие из употребления, но общей монетой, которая присутствует в обоих текстах, является именно наполеондор. Мы не знаем, какой именно наполеондор хранил Семен Иванович в своем тюфяке: обыкновенный, двадцатифранковый, или двойной, как у Евгении, в сорок франков, но в любом случае на нем был изображен не кто иной, как Наполеон I, чего уже нельзя сказать с полной уверенностью о наполеондорах, упоминаемых в романе «Идиот, время действия которого происходит в последние годы существования Второй империи Наполеона III. Однако само наличие наполеондора — монеты-символа имперского могущества Франции, в засаленном, ветхом тюфяке Прохарчина заставляет отнестись к проблеме наполеонизма героя еще серьезнее.

По моему предположению, исторической основой рассказа о господине Прохарчине мог послужить курьезный случай, связанный с дворянским дедом («дядей») Наполеона Бонапарта, архидиаконом Аяччо Люсьеном (Люциано/Лючиано) Буонапарте. Именно дядя Люсьен в 1771 году крестил маленького Наполеоне³¹, а в 1785 году, после смерти его отца, Карло Буонапарте, на семейном совете был избран опекуном Наполеоне и других детей своего племянника³². Историки пишут об особой скупости архидиакона Люциано, старого подагрика, неустанно копившего деньги, которые он прятал под подушку, отказывая молодому офицеру Наполеоне в просьбах о денежном обеспечении его новаторских проектов³³. Дядя, боявшийся всего неизвестного, даже дал прозвище Наполеоне «новатор». Как пишет В. Слоон: «Несмотря на молву об его богатстве, он сам упорно отрицал, чтобы у него имелись какие-либо наличные деньги»³⁴. Вместе с тем, время от времени дядя все-таки посылал Наполеоне небольшие карманные деньги³⁵, столь необходимые для бедного молодого офицера; что не было мифом, в отличие от помощи Прохарчина своей «золовке», обитавшей в Твери. В. Кронин приводит некоторые дополнительные подробности

³⁰ Гроссман Л. Поэтика Достоевского. М.: ГАХН, 1925. С. 85.

³¹ Кирхейзен Ф. Наполеон Первый: в 2 т. Т. 1: Его жизнь и его время / Пер. с нем. М. Кадиш; Предисл. А. Дживелегова. М.: ТЕРРА, 1997. С. 42.

³² Там же. С. 67.

³³ Там же. С. 78, 84.

³⁴ Слоон В. Новое жизнеописание Наполеона I: в 2 т. Т. I / Пер. с англ. В. Л. Ранцова. М.: Алгоритм, 1997. С. 60.

³⁵ Кирхейзен Ф. Наполеон Первый. Т. 1: Его жизнь и его время. С. 74.

об отношениях скряги Люциано и семьи Буонапарте: «Он был завязтым сутягой. В течение года он пять раз обращался в суд по пяти отдельным случаям. Обычно выигрывал свои дела и на этом очень разбогател. Из соображений сохранности Лучиано прятал все деньги в виде золотых монет в своем матрасе. Остальная семья по контрасту с ним жила бедно. <...> Ничто не могло заставить его расстаться хотя бы с грошом. Когда деньги были нужны особенно сильно, очаровательную Полину отправляли к старику, и она во время игры в его комнате вытаскивала из матраса луидор-другой. Однажды девочка неловким движением сдвинула мешок, и он с грохотом упал на каменный пол. Сначала архидьякон потерял дар речи, а потом весь дом сотрясли его крики. Летиция вбежала в комнату и увидела, как он гневно трясется над своим драгоценным кладом, рассыпанным на полу. Он клялся “всеми святыми”, что это деньги друзей и клиентов. Летиция молча собрала деньги. Архидьякон пересчитал их, сунул в мешок, а мешок вновь спрятал в матрас»³⁶.

А вот что пишет А. Кастело о дне смерти дяди Люсьена: «В начале сентября 1791 г. он [Наполеоне] прибыл на Корсику, как раз вовремя, чтобы присутствовать при последнем вздохе своего дяди Люсьена, который умер 15 октября, оставив свояченице Летиции и племянникам вполне приличную сумму, целое состояние, которое он спрятал в своем тюфяке. Родственникам пришлось немало потрудиться, чтобы, наконец, обнаружить кубышку. Если верить Жозефу, то архидьякон, умирая, сказал будущему императору: “Ты, Наполеоне, станешь большим человеком!”»³⁷. Старый архидьякон, таким образом, не только завещал Наполеоне свое положение главы семьи Буонапарте и переложил на него ответственность за семерых его братьев и сестер, но и оставил денежные средства, которые спасли эту семью. С этого времени и до конца жизни Наполеон нес «отеческую» ответственность за семерых своих братьев и сестер (Жозефа, Люсьена, Людовика, Жерома, Полину, Каролину и Элизу), которые, когда он стал правителем Франции, постоянно требовали от него наград и денег. Однажды Наполеон даже печально пошутил по этому поводу: «Право, послушав их, можно сказать, что я присвоил наследство нашего отца!»³⁸. Этот факт, возможно, отражен в кошмаре Прохарчина: «Семен Иванович весьма испугался, и хотя был совершенно уверен в невинности своей насчет неприятного стечения числа семерых под одну кровлю, но на деле как будто именно так выходило, что виноват не кто другой, как Семен

³⁶ Кронин В. Наполеон / Пер. с англ. С. Струкова. М.: Захаров, 2008. С. 64–65.

³⁷ Кастело А. Бонапарт / Пер. с фр. Л. Д. Каневского. М.: Центрполиграф, 2004. С. 68.

³⁸ Леви А. Душевные качества Наполеона // Повседневная жизнь Наполеона Бонапарта: Леви А. Душевные качества Наполеона; Массон Ф. Наполеон I в придворной и домашней жизни / пер. с фр.; послесл. и коммент. В. Е. Климанова. Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. С. 134.

Иванович» (1; 250). Замечу, что и имя Наполеона в разных его производных упомянуто в тексте семь раз!

Д. Сьюард в книге «Семья Наполеона» так пишет о тюфяке дяди Бонапарта: «Наполеон искренне привязался душой к престарелому архидьякону, дяде Лючиано, бывшему патриархом рода Буонапарте. Средства существования дяди — золотые и серебряные монеты, которыми был набит его матрас (он копил их, откладывая каждое су), спасали семейство от незавидной участи пойти по миру. Он все еще получал кое-какой доход от церкви, хотя теперь его обязанности в соборе исполнял Феш. Старик был еще достаточно важной персоной, и крестьяне часто обращались к нему для разрешения споров. Мы располагаем свидетельством самого Наполеона, что архидьякон Лючиано был для него вторым отцом и именно его советы помогли семье встать на ноги в финансовом отношении»³⁹.

Пользуясь наследством, полученным от архидиакона, и не скупясь на расходы, Наполеоне Буонапарте в марте 1792 года успешно повел избирательную кампанию, и в итоге был избран вторым подполковником Национальной корсиканской гвардии. Это был первый серьезный взлет в его карьере, которая позднее удивляла мир на протяжении более чем двадцати лет. «Это назначение, увеличившее его жалованье, — писал А. Леви, — давало ему возможность выполнить свое заветное желание оказывать поддержку матери, обремененной многочисленной семьей»⁴⁰. Несмотря на почти сразу же последовавшее возвращение Наполеоне в свой полк во Францию в прежнем чине лейтенанта (май 1792 года), по причине вспыхнувших кровавых столкновений в Аяччо, скомпрометировавших его, — на континент он вернулся уже совсем другим человеком, получившим значительный опыт.

Достоевский мог вполне знать об этой занимательной детали биографии Наполеона из многочисленных книг или устных анекдотов той эпохи. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что начало художественного изображения писателем наполеоновской идеи в своих произведениях некоторым образом отразило и начало карьеры самого Бонапарта. И это отнюдь не случайность! Позднее почти во всех произведениях писателя, где выведены герои-наполеонисты, можно отыскать удивительные совпадения в их повседневности и судьбе самого Наполеона, которые проявляются через такие символические детали-вещи, вроде прохарчинского тюфяка. Как прозорливо отмечал еще Г. А. Мейер: «Вещи, предметы, нас окружающие, принято считать неодушевленными. Но я уже говорил, что в творчестве Достоевского они живут, пронизанные духовными и злодуховными токами, исходящими от людей и невидимых духов. Вещи суть символы: они отража-

³⁹ Сьюард Д. Семья Наполеона / пер. с англ. Т. С. Бушуевой; под общ. ред. И. П. Щерова. Смоленск: Русич, 1995. С. 36.

⁴⁰ Леви А. Душевные качества Наполеона. С. 24.

ют в своих инобытийственных ликах наши внутренние светлые и темные стремления. Вещи неизменно обличают нас»⁴¹.

Одной из таких вещей, несомненно, является и наполеондор, но не только он. Например, роман «Преступление и наказание» (1866) начинается с того, что мечтающий стать новым Наполеоном Раскольников идет складывать свои часы к старухе-процентщице. Любопытно, но в том же самом возрасте (а Раскольникову на момент начала повествования — 23 года) молодой французский офицер Наполеон Бонапарт также еле сводил концы с концами, и тоже был вынужден заложить свои часы (это произошло в Париже в 1792 году, всего за год с небольшим до триумфального взятия Тулона, после которого его карьера пошла в гору), чтобы рассчитаться с набранными ранее долгами⁴². Подобные сближения есть и в образе цитирующего Наполеона Коли Красоткина в романе «Братья Карамазовы»⁴³, и в портретах других героев писателя.

«Наполеонова память», которую, казалось бы, праздно потревожили жильцы квартиры Устиньи Федоровны в петербургском рассказе «Господин Прохарчин», не только радикальным образом поменяла наше представление о тайной жизни, которую вел Семен Иванович, но и оказала большое влияние на присутствие наполеоновского мифа в последующих художественных текстах Достоевского. В этом отношении творческий эксперимент писателя определенно удался.

---

⁴¹ Мейер Г. А. Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. С. 171–172.

⁴² Леви А. Душевные качества Наполеона. С. 24.

⁴³ Подосокорский Н. Н. Картина наполеоновского мифа в романе «Братья Карамазовы» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Под ред. Т. А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2007. С. 110–111.